

В это время был уже вечер, на красном лакированном столе лежали догоревшие благовония, и тень от заходящего солнца падала на балдахин в спальне. Балдахин был многослойным, сложным, внешний плотный бархат не был опущен, только несколько слоев тонкой ткани, и Чжан Саньчуань увидел, что внутри сидел человек, силуэт которого был размыт, и в полумраке он выглядел еще более загадочно и прекрасно.

Это была та самая старшая принцесса.

Голос старшей принцессы был тихим, сначала она спросила:

— Давно слышал о славе Чжан Тунчжи, слышал, что вы мастерски расследуете дела и быстро справляетесь с задачами. Это дело, связанное со мной, я доверяю вам.

Чжан Тунчжи ответил:

— Ваше Высочество, вы слишком добры, я недостоин таких похвал.

Он услышал, как старшая принцесса продолжила:

— Я учусь в Покоях Янфу всего около месяца. До этого я никогда не занималась верховой ездой и стрельбой из лука. Это был мой первый раз на плацу, и это было результатом обсуждения с учителями из кабинета. Посторонние об этом не знали. Но это не было секретом, и учителя могли случайно упомянуть об этом, так что это могло дойти до тех, кто имел свои планы. В тот день генерал Юй сказал, что уже выбрал маленькую лошадь для моего будущего обучения. Евнухи, слуги и люди из управления лошадьми знали об этом. Следует уделить этому внимание, но не нужно считать всех причастных виновными.

— В тот день на плацу маленький евнух наступил на мою юбку, его поведение было довольно неприличным, возможно, стоит его допросить.

Чжан Тунчжи внимательно выслушал и понял, что эта принцесса мыслит ясно, и ее слова были весьма логичны. У нее не было паники, как у обычного человека, пережившего опасность для жизни, и жестокости, когда человек, находящийся наверху, готов убить всех подозреваемых.

Слухи в дворце также имели основания, эта старшая принцесса действительно могла считаться добросердечной.

Но в дворце доброта бесполезна.

Чжан Тунчжи сказал:

— Ваше Высочество, мы обязательно тщательно рассмотрим все, что вы сказали.

Тень старшей принцессы на пологие слегка пошевелилась, и он продолжил:

— А на плацу меня спас личный телохранитель Мин Е, я бесконечно благодарен ему, но слышал, что его все еще держат в казармах.

Он сделал паузу, и его тон был непоколебим:

— Неважно, где он сейчас, но сегодня вечером он должен появиться передо мной, чтобы получить награду.

Чжан Тунчжи склонил голову, ведя себя почтительно, но его слова были не такими:

— Ваше Высочество, я понимаю ваше желание отблагодарить. Но Мин Е был единственным свидетелем, он был всего лишь третьеразрядным телохранителем, и раньше не проявлял никаких способностей, но смог убить лошадь, что весьма странно. Цзиньвэй должны его допросить, снять с него подозрения, прежде чем отпустить, и это для вашей же безопасности.

Это было не то, что Чжан Тунчжи пытался затянуть дело. Хотя это произошло с принцессой, и она была пострадавшей, но во дворце все решает император и вдовствующая императрица. Старшая принцесса была жертвой, но она не имела права решать, он был вынужден молчать.

Старшая принцесса тихо произнесла:

— Если бы я ждала, пока Чжан Тунчжи и другие чистые телохранители придут на помощь, вчера я бы уже была мертва, и моя душа отправилась бы к матери и деду.

Его голос звучал с улыбкой, но Чжан Тунчжи почувствовал холод в ногах и снова опустился на колени:

— Мы не смеем.

Принцесса, похоже, устала, и полог слегка раздвинулся, и появилась рука. Рука была красивой, с белой кожей и длинными пальцами, и когда она поднялась, было видно запястье, с серо-голубыми венами, исчезающими под тонкой тканью.

Это была рука, которая не могла держать меч или саблю, из-за своей изящности и красоты, что вызывало у Чжан Тунчжи, с его острым наблюдательным умом, некоторое сомнение, потому что она была слишком андрогинной.

Но через мгновение он убедился, что это была женская рука. Ногти старшей принцессы были окрашены в красный цвет соком хны, и ни у одного мужчины не могло быть таких подходящих рук.

Затем старшая принцесса отпустила руку и бросил поясной жетон, который с грохотом упал перед Чжан Тунчжи. Это была вещь принцессы, на которой было написано имя владельца дворца Чанлэ.

Старшая принцесса больше не упоминал Мин Е, который спас его, и его тон был все еще наивным:

— Мне сейчас семнадцать лет, и если бы я была обычным человеком, то уже должна была бы выйти замуж и родить детей. Благодаря милости императора и вдовствующей императрицы, они не хотят, чтобы я рано выходила замуж, поэтому я все еще остаюсь во дворце Чанлэ, тратя время впустую. Не ожидала, что найдутся злоумышленники, которые хотят разрушить государство Великая Инь, их намерения достойны казни. На этот раз им не удалось, и, думаю, весь двор в шоке. Хотя я все еще хочу остаться во дворце, но теперь я должна взять на себя ответственность.

Его голос звучал устало, с оттенком раздражения, и последние слова были:

— Тунчжи, вы понимаете?

Взять на себя ответственность. Какую ответственность? Естественно, ответственность за продолжение рода Жун.

Чжан Тунчжи внезапно встревожился, понимая, что эта старшая принцесса не была такой наивной, как он думал ранее.

Добрая, но не лишенная достоинства, понимающая ситуацию, но твердая в своих принципах.

Принцесса постепенно взрослеет, и, если все пойдет хорошо, она скоро родит сына. Кто будет править за занавеской: старая вдовствующая императрица или мать маленького императора? Раньше Чжан Тунчжи был уверен в первом, но теперь он не был так уверен.

Цзиньивэй отличались от солдат, охраняющих границы. Солдаты проливали кровь и отдавали жизни, а Цзиньивэй, хотя и работали, но главное для них было следовать указаниям свыше.

Чжан Тунчжи слегка поднял голову, глядя на щель в занавеске, которая еще не полностью закрылась, надеясь уловить истинные мысли принцессы.

Через мгновение он осторожно поднял поясной жетон и сказал:

— Приказ Вашего Высочества, я не смею ослушаться.

Мин Е придется отпустить.

Жун Цзянь наблюдал, как Чжан Тунчжи уходил.

Чжан Тунчжи был одет в черное одеяние с вышитыми золотыми летучими рыбами, которое отличалось от обычной униформы телохранителей. Когда он шел, подол его одежды блестел, и он выглядел весьма внушительно.

Если бы это был Мин Е, он бы выглядел еще более великолепно.

С тех пор, как Жун Цзянь проснулся, он постоянно думал о Мин Е.

Постоянно, постоянно.

Во время разговора с Чжан Тунчжи Жун Цзянь держался напряженно, его спина была прямой, и, расслабившись, он почувствовал небольшую боль.

Жун Цзянь играл свою роль, используя преимущества старшей принцессы, и это было не так уж сложно.

Убить кого-то он бы никогда не смог, но такие вещи, как слова и действия, он мог попробовать.

Он все еще болел, Жун Цзянь это понимал.

Медная колонна, к которой он прислонился, снижала его температуру, делая его более бодрым; нервы время от времени пульсировали болью; физический дискомфорт, наоборот, делал его более внимательным. Даже через занавеску, глядя сверху на Чжан Тунчжи, он мог уловить изменения в его поведении и отвечать соответствующим образом.

Результат, казалось, был хорошим, Жун Цзянь достиг желаемого.

Он просто чувствовал себя очень уставшим и очень хотел увидеть Мин Е.

После разговора с Чжан Тунчжи Жун Цзянь отправил маленького евнуха с ним, чтобы убедиться, что Мин Е действительно отпустили, и только тогда он смог расслабиться и снова

заснуть.

Сон был беспокойным, Жун Цзянь чувствовал головную боль, но она была терпимой, он не был изнеженным человеком, и когда он работал, он однажды сломал мизинец и сам пошел в больницу на перевязку.

Когда он снова проснулся, вокруг была тьма, и он не знал, который был час.

Жун Цзянь почувствовал жажду и, нащупывая, встал, чтобы налить воды.

Тетушка Чжоу быстро поддержала его, она уже привела себя в порядок и налила чай, мягко сказав:

— Ваше Высочество, монах Чжуцюань пришел, чтобы осмотреть вас.

Монах Чжуцюань, кто это?

Больной Жун Цзянь был медлителен, и его память была хуже, он долго думал, прежде чем вспомнил этого человека.

Семнадцать лет назад ребенок Жун Нин родился мертвым, но монах из ближайшего храма смог его оживить. В то время шла война, Жун Шихуай сражался с войсками прежней династии, и Жун Нин, боясь искать отца и мужа, жила в уединении в маленькой деревне.

Тот монах вскоре умер, а Чжуцюань был его единственным учеником, еще молодым и неопытным, и перед смертью он поручил Чжуцюань Жун Нин.

Позже, когда Жун Шихуай занял столицу и стал правителем мира, Жун Нин поселила Чжуцюань в храме Защиты Государства, но монахи храма были ксенофобами и не уважали Чжуцюань, хотя он был по приказу принцессы, они постоянно унижали его.

Четырнадцатилетний Чжуцюань не рассказал об этом принцессе, но через два месяца на собрании по обсуждению сутр он заставил всех высокопоставленных монахов замолчать, и с тех пор храм Защиты Государства стал уважать его как старшего учителя.

<http://bllate.org/book/16310/1471506>